

.... ПРОЛОГ

Надя, Феникс и кровать

Феникс в моем представлении — это такая птица с огненными крыльями, а не двухметровый мужик с размахом плеч как крылья у орла, который медленно и неотвратно наступал на меня, как инфаркт на заядлого курильщика. Ему инфаркт не грозил точно, поскольку с физической формой у него все было более чем окей. Про размах плеч я уже говорила? Так вот, помимо плеч в наличии были крепкие руки с литыми мышцами, широкая грудь и пресс, которому обзавидовались бы современные голливудские звезды под лозунгом «за здоровый образ жизни», посещающие качалку три раза в день. Еще и горячий, как вулкан!

Когда он остановился в нескольких сантиметрах от меня, я всей кожей ощутила жар его тела, из-за чего чуть не задымилась сама. Буквально. Кожу словно опалило огнем, а все волоски встали дыбом, готовые исполнять роли проводников в мир чувственных удовольствий.

— Разденетесь сами, ларэй?¹ — скользнув по мне взглядом, поинтересовался он. — Или вам помочь?

¹ Обращение к незамужней женщине.

Голос у него тоже был глубокий, низкий и гулкий, рождающийся как пламя в эпицентре вулкана. Я даже не представляла, каким он может быть, когда этот тип в ярости, — хотя как певица обладала недюжинными знаниями об октавах, тонах и прочих сопутствующих музыкальностях.

— Справлюсь, — стараясь не выдать голосом ни толики нахлынувших на меня чувств, ответила я.

Тот факт, что я сама на это подписалась, дела совершенно не менял. В конце концов, кому какая разница, что мне нужно спасти сестру, а он — единственный, кто способен это сделать? Ну то есть не он, а его сила, сила Феникса, способная вытащить мою Веру, сделать то, на что не способны врачи нашего мира. Сила, полную мощь которой он сможет обрести только с моей помощью, а точнее — после того, как проведет со мной ночь.

Сказать, что я была не в восторге от открывающихся мне перспектив, — значит ничего не сказать, но я точно знала, что Вера бы сделала для меня все. И даже больше. А значит... значит, просто нужно это сделать, а после вернуться в свой мир и жить как обычно.

Потянулась привычным жестом к замку на платье и мысленно выругалась. Потому что на платье не было замка, точнее, его не было на этом платье. Взамен был предусмотрен корсет с кучей клепочек, застежек и, разумеется, тех самых шнуров, которые можно использовать как удавки в лихом шпионском боевике.

— Значит, помочь, — усмехнулся мужчина, заметив, а если быть точной, впитав мой кислый вид в глубину темно-синих, как летняя ночь, глаз. Одним

движением развернул меня спиной к себе и с такой легкостью принялся избавлять от досадного недоразумения, коим являлись местные женские наряды, как будто только и делал, что этим занимался.

Впрочем, не исключено. Я видела, как на императора смотрели придворные дамы и как они смотрели на меня (правильный ответ — как будто хотели придушить той самой шнуровкой), и вот теперь... теперь его пальцы легко расправляются с застежками на моем платье. Миг — и оно с шуршанием падает к моим ногам, а прикосновение к спине, когда он берется за шнуровку, заставляет меня всю покрыться мурашками.

Их (этих мурашек) здесь быть не должно, но они есть, я это не просто знаю, я их вижу. Закатное солнце, лениво втекающее уставшими лучами в арочное пространство окна, подсвечивает мою белую кожу, которая сейчас напоминает упаковку для особо хрупких грузов: вся в мелкую пупырышку, невыносимо чувствительная к прикосновениям.

У него пальцы как у пианиста — почему-то именно это сравнение сейчас приходит мне в голову. Длинные, сильные, каждое их касание обжигает, и я могу только представить, что будет, когда он дотронется до меня по-настоящему. Надеюсь, я не превращусь в горстку пепла... Хотя обещали, что не превращусь. Ему — сила, мне — спасение Веры и возвращение домой. Полный соцпакет, короче.

Глубоко вздыхаю, когда корсет на моей спине расходится и мужчина с хриплым выдохом тянет его вниз, цепляя ставшие невыносимо чувствительными соски грубыми краями. Я даже избежать этого прикосновения не успеваю, а в следующий миг меня уже

опалает другим: скольжением пальцев вдоль позвоночника, таким чувственным, таким долгим; он словно играет на мне, как на музыкальном инструменте, вызывая совершенно неправильные, противоречивые чувства.

— Мы так не договаривались. — Резко разворачиваюсь в его руках, прерывая ласку.

В темной синеве глаз вспыхивают и разгораются искры, разогревая радужку до состояния тонкой раскаленной паутинки или путеводителя по звездному небу.

— Как пожелаете, ларэй, — сухо и отрывисто, резко произносит он. — Кровать там.

Кровать — да. Она определенно там. Огромная, роскошная, с балдахином — правда, сейчас раскрытым, но в принципе способным скрыть любые непогрехства, которые тут можно творить, стоит лишь потянуть за шнурок. Вот я и тяну, но не за шнурок, а время — когда очень медленно, обхватив себя руками, шагаю к ней. Неудивительно, что мужчина успевает первым и, когда я сажусь, бесцеремонно запускает руки под меня. Обжигая ладонями ягодицы, стягивает с меня нижнюю юбку, саму меня подтягивает повыше и, без дальнейших прелюдий, склоняется надо мной.

... ГЛАВА 1 ...

Певицу с фамилией Ягодкина сложно воспринимать всерьез. Но придется

«**П**евицу с фамилией Ягодкина сложно воспринимать всерьез. Надя, возьми псевдоним», — говорил мне мой работодатель. В принципе, я даже была с ним согласна, но псевдоним не придумывался. Да и какой псевдоним вообще можно придумать для кафе «Ночная роза», где я исполняла на заказ песни для посетителей, не желающих слушать плейлист нашего диджея? За последний год под мои выступления делали предложение руки и сердца, несколько раз меня приглашали на юбилеи и дни рождения в рестораны на весь вечер, один раз — даже на корпоратив. Там один из клиентов, изрядно перебравший «Мозт Шадон», посоветовал мне:

— Шла бы ты, Надежда... на телевидение.

В этом тоже был резон, но где я и где телевидение? Тем более что одна звезда в нашей семье уже была, моя старшая сестра Вера, и вот у нее как раз был псевдоним. Верónica Райс, с ударением на «о». Моя сестра побывала и на местном телевидении, и на гастролях, и в свои двадцать два прошла кастинг на шоу «Голос». Ей как раз предстояло ехать в Москву,

когда на одном из выступлений она потеряла сознание и впала в кому.

Что случилось в тот вечер, никто не мог толком сказать. Сестра пела на юбилее очень влиятельного человека, зал буквально рыдал (такое часто случалось на ее выступлениях, я сама не могла сдерживать светлых слез, когда Вера пела: у нее был очень сильный проникновенный голос), а потом она просто упала... и все. Врачи так и не нашли для себя разгадки того, что произошло, просто констатировали факт: мол, кома — а больше мы ничего не знаем.

— Она вряд ли придет в себя, — так говорил главврач отделения, где лежала Вера.

— Ей бы в столицу, — говорили соседи. — Там, может, что-то и сдвинулось бы.

Я же продолжала верить и начала искать работу, чтобы можно было Веру свозить в Москву. Поэтому и перевелась на заочный, оставив мечту полностью погрузиться в профессию веб-дизайна, и тоже стала петь. Мне это позволяло обеспечивать нашу небольшую семью и откладывать на поездку, а еще, когда я пела, мне казалось, я становлюсь на шаг ближе к Вере. Самую чуточку. Могу дотянуться до нее через песни и позвать, чтобы она вернулась.

А что, если не вернется?

Отмахнувшись от мысли, которая в последнее время заставляла меня изображать ночное животное не сплюн или ворочаться в постели по два-три часа перед тем, как заснуть, я переделась. Сунула платье для выступлений — короткое, темно-синее — в сумку, туда же отправились бижутерия и туфли на каблучке в специальном футляре.

Облегченно вздохнув, перед тем как снова взвалить на себя эту ношу — на сей раз на плечо, я потянулась, вбила ноги в растоптанные кроссовки и вылетела к служебному входу, на бегу попрощавшись с охранником:

— До завтра, Сан Саныч.

— До завтра, Надежда! — махнул мне рукой седой мужчина, на груди которого красовалось неизменное «ЧОП “Кобра”». — Ты бы такси взяла, сегодня особенно тебя задержали.

— Да здесь недалеко. Добегу.

— Как твой поклонник? Больше не объявлялся?

Поклонником Сан Саныч называл мужчину, который регулярно приходил на мои выступления, заказывал ближайший к сцене столик и глазел на меня. Возможно, мы бы его и не заметили, но у него была очень запоминающаяся внешность: длинные, до лопаток, серебристые волосы, будто седые — несмотря на то, что сам мужчина был молодой; а еще пронзительные, ледяные глаза и неизменно черная одежда. Он напоминал гота или ролевика и всегда был один.

— Нет, — улыбнулась и выскользнула за дверь.

Дом, где мы жили, действительно располагался недалеко — в двух кварталах от кафе, в котором я пела. Такси я сейчас ждать буду дольше, чем идти пешком, район у нас тихий, да и май уже, ночи синие-синие, скоро совсем светлые станут. А ведь впереди еще целое лето! При мысли о лете в сердце раскрылась самая что ни на есть настоящая полянка с цветами, и оттуда отчетливо запахло земляникой. Сама не понимаю, как этот запах мог быть таким ярким: да, мы с бабушкой в детстве собирали землянику, и я помнила этот аромат как сейчас, но...

Помимо аромата за спиной резко стало светло: видимо, включился неработающий фонарь. На всякий случай я обернулась и застыла: вместо улицы передо мной раскрылась картина как из сказки или красивого фэнтези-фильма. Поляна, залитая солнцем, усыпанная разноцветьем, в частности — кустами земляники, которые и пахли так, что ум заходил за разум.

В моем случае — уже зашел очевидно, потому что посреди города этой поляне точно было неоткуда взяться. Особенно неоткуда было взяться искрящимся краям вокруг этой поляны, будто ее выдернули из какой-то другой реальности и вставили в нашу, и все же она меня манила, притягивала как магнитом. Ничего же не будет, если я просто туда загляну, да?

Я едва успела сделать пару шагов, как услышала чужие. Обернуться не успела, только бросить взгляд через плечо — ко мне приближался тот самый поклонник! Миг — и он уже рядом со мной, одно движение — и от толчка его ладоней я лечу на полянку. От неожиданности даже руки выставить и смягчить падение не получилось. Голова поздоровалась с травой и цветочками, но они не ответили. И неудивительно, потому что вокруг словно разом выключили свет и стало темно.

В себя я пришла оттого, что что-то легко щекотало мне щеку. Как выяснилось, это был краешек невесомой ткани, взлетающий и опадающий под дыханием ветра. Разлепив веки, я обнаружила над собой высоченный сводчатый потолок, подернутый дымкой жемчужного... балдахина?!

Подскочив на постели и оглядевшись, я выяснила, что галлюцинации продолжают. В смысле, полянка с земляничкой исчезла, взамен нее появились каменные стены исторических декораций, да взять хоть ту же кровать с балдахинном. Не говоря уже о том, что вместо моих любимых джинс, футболки и курточки на мне оказалась полупрозрачная сорочка, почти ничего не скрывающая.

В тот миг, когда я это осознала, меня сдуло с кровати. Отнюдь не ветром, скорее, силой моего возрастающего недоумения и энтузиазма, направленного на возвращение в состояние «как было».

Что вообще произошло?! Что происходит?!

— А... — Это было единственное, на что меняхватило, когда, крутанувшись по комнате на манер гонящегося за собственным хвостом корги, я наткнулась на огромное напольное зеркало. По ощущениям, весящее тонну, а то и больше, оно стояло здесь так плотно, словно собиралось пустить в пол корни.

Но ладно бы зеркало, я! То есть мое отражение!

Нет, лицо осталось моим, совершенно точно: все, что было при мне в тот вечер, когда я выходила из кафе, осталось при мне. Губы, скулы, нос, черты лица, цвет глаз — пронзительно-голубой, как весеннее небо, а вот волосы... волосы утратили привычный каштановый цвет и стали ярко-красными, не то в рыжину, не то в земляничный оттенок, как будто я переела вышеупомянутых ягод.

Хотя скорее уж мухоморов. Судя по тому, что мне мерещится.

Зажмурившись, крепко ущипнула себя за руку, ойкнула, а когда открыла глаза, ничего не изменилось. Совершенно. Ничегошеньки! Передо мной по-преж-

нему стояло несовременное зеркало, меня окружала несовременная комната, сквозь пятки втекал холод от многовекового несовременного камня.

Я подняла руку, и отражение повторило за мной. Коснувшись своих ярких прядей, провела ладонью по шелку волос. Длина у них тоже не изменилась, да и вообще, создавалось такое ощущение, что на двадцатом году жизни меня кто-то выкрал в средневековый замок, чтобы переодеть в эротическую ночнушку и покрасить волосы в другой цвет.

Кто-кто... тот «поклонник»! Сумасшедший ролевик!

«Маньяк», — весело подсказал уставший от нововведений разум, готовый отключиться и оставить меня на съедение эмоциям и панике, но не успел. За дверью слышались шаги, и я, подчиняясь инстинктам и интуиции, нырнула обратно в постель и закрыла глаза.

Как говорил Павел Воля в своем эпическом ролике про медведя, иногда лучше упасть и притвориться мертвым. В данном случае я оказалась права (и Павел Воля тоже), потому что, судя по звуку и тяжести шагов, вошли сразу двое мужчин, а с двумя справиться хрупкой, хотя и очень боевой девушке не под силу. Поэтому, памятуя о том, что все должно быть естественно, я постаралась выровнять дыхание и провести разведку боем. То есть сном. То есть отключкой, в которой мне полагалось пребывать после того, как меня пихнули на полянку-галлюциногенку и я треснулась лбом. На котором, к слову, не осталось даже шишки.

Мужчины прошли и остановились у кровати.

— Почему она не приходит в себя? — раздался резкий, нетерпеливый голос.

— Потому что упала и ударилась головой?

Сдается мне, он его уделал.

— Очень смешно, — повторил первый. — Просканируй ее. Я же не могу представить ее Фениксу в таком виде.

Да не надо меня в таком виде никому представлять. Стоп... Что?!

Как следует обмозговать историю с Фениксом (это что, никнейм такой?) мне не удалось, поскольку один из мужчин наклонился над постелью и поднес ладонь к моей голове. От ладони повеяло жаром, а мне захотелось вжаться в подушку, но очень скоро это ощущение прошло. Наоборот, от близости этой руки стало тепло, в меня словно втекали силы.

— Вот-вот проснется, — сообщил мужчина, убрав ладонь. — Судя по ее ауре, девушка уже полностью восстановилась, просто спит. Очевидно, сильно переволновалась. И, судя по внутренним контурам, она сейчас в фазе быстрого сна. Видишь, как дышит?

Так, а можно без этого вот? А то я нервничать начинаю.

Преисполненная подозрений, что меня раскроют, я подумала, не открыть ли мне глаза до того, как это случится, когда мужчина продолжил:

— Если бы ты действовал аккуратнее, мне бы не пришлось ее восстанавливать и она бы уже была у Феникса.

— Я действовал быстро, — донеслось раздраженное в ответ. — Она была в полушаге от пробуждения силы. Уверен, никто не хотел, чтобы с ней случилось то же, что и с ее сестрой, и нам бы пришлось ждать еще пару лет. Особенно Феникс.

То же, что и сестрой?!

— Что вы знаете про Веру?! — Я спросила это раньше, чем села на постели с широко распахнутыми гла-

зами. Наткнувшись на пристальные взгляды «поклонника» и стоявшего рядом с ним мужчины, который едва доставал ему до плеча и сейчас почему-то насмешливо смотрел на меня, положив одну ладонь на другую, как тибетский монах. Кажется, про фазу быстрого сна говорил он.

А я, кажется, спалилась.

Сглотнув, подтянула одеяло повыше: не то чтобы я сторонница пуританской морали, но сорочка действительно была прозрачная, а позволять всяким-разным рассматривать меня, как явно делал этот похититель-недогот, — вот еще! Поэтому я прищурилась и поинтересовалась:

— Так что вы можете мне сказать?

Светлые, словно припорошенные серебристым инеем, брови мужчины взмыли вверх, а тот, что стоял рядом, — невысокий, лысый — хлопнул его по плечу, усмехнувшись:

— А девчонка-то не промах.

Вы даже не представляете, насколько.

— Итак?

— Оставь нас, Дорран, — приказал «гот», и представитель не-тибетской монахии в самом деле вышел, оставив меня наедине с мужчиной, одетым в стиле средневекового траура. Хотя ладно, наверное, все-таки не средневекового. Темная рубашка, темный жилет, тронутый лишь тонкой каймой серебра на вырезе и пятнами таких же, в тон его волосам, пуговиц, черные брюки, заправленные в сапоги, — это навскидку не напоминало мне ничего из того, что мы учили на уроках истории. Скорее, это был какой-то смешанный стиль, собранный чуть оттуда, чуть отсюда. Пока я рассматривала его, гот приподнял бровь и поинтересовался:

— Нравлюсь?

— Нет, думаю, почему вы в трауре, — ответила я. — И можно ли этим оправдать похищение, а главное, что по этому поводу скажут полиция и юристы.

Сказать, что мне не было страшно, я не могу, но и сказать, что было, — тоже. У меня с самосохранением всегда все было в порядке, я обычно чувствовала людей (и хороших, и плохих), стоило мне к ним приблизиться. Не знаю, как так получалось, но интуиция меня еще ни разу не подвела, вот ей я и решила довериться, потому что рядом с этим типом я не ощущала опасности. Что, возможно, последствия удара головой, потому что как можно не ощущать опасности рядом с тем, кто...

Запрокидывает голову и смеется. Просто смеется, будто я сказала нечто очень забавное. Кто бы мне еще сказал, почему у него такой смех приятный! Низкий такой, на удивление заразительный.

— Черный — цвет императорского дома Леах, — произнес он, отсмеявшись. — С незапамятных времен. Позвольте представиться, ларэй: Виорган Леах. Младший брат императора, которому выпала честь пригласить вас в наш мир.

Царь. Очень приятно, здравствуйте, царь. Это теперь называется пригласить? И кстати, у вас есть справка?

Очевидно, мысли отразились на моем лице, потому что Виорган плавным артистичным движением руки (тренировался, что ли, лет десять) указал мне в сторону огромного арочного окна, сквозь которое в комнату вливалось не только закатное солнце, но и согревающее тепло. Покосившись на него, я вернулась в покрывало и все-таки повторно соскольз-

нула с кровати. Приблизилась, взглянула на небо, на которое кивнул подошедший мужчина.

— Чтоб тебя! — От удивления чуть глаза из орбит не полезли: на небе вместо одного было целых два солнца. То есть две звезды. То есть если все предыдущее можно было оправдать мухоморами и ударами головой, то это уже никак не укладывалось в голове. Даже в ударенной.

— В нашем мире два солнца, ларэй, — как-то очень философски и спокойно ответил он. — Два солнца — в переводе на ваш язык, разумеется. У нас у каждого светила свое имя — Ниаму и Левейр. Если обратиться к древнехайлоронскому, Тьма и Свет...

— Все это чудесно, конечно, — перебила я его, — но мне бы очень хотелось понять, какого Ниаму вы швырнули меня прямо в портал, головой вниз?! И что это все значит?

— Как я уже сказал лекарю, у вас вот-вот должен был открыться дар. — Мужчина прислонился к стене. — Очень сильный дар, способный поглотить вас и выпить без остатка, как случилось с вашей сестрой в немагическом мире. Дело в том, ларэй, что ваша семья — последние потомки алых сиринов.

— Алых кого? — переспросила я.

— Род алых сиринов издревле считался одной из сильнейших магических ветвей нашего мира. Подобно фениксам, драконам и играм, способным менять человеческое обличье на звериное. Алые сиринов ближе всего к драконам, поскольку их сила произошла от того, на что мы с вами сейчас смотрим, — мужчины кивнул на местные светила, — а драконы обрели свою магию из первородного пламени. Тем не менее именно алые сиринов обладали универсальной магией,

которая может наполнить и восстановить собой любую другую. И, помимо прочего, чарующим голосом, способным как подарить блаженство и наслаждение, так и заставить испытать самую сильную боль.

Примерно на моменте «первородного пламени» мой разум начал подумывать, не пойти ли ему подышать воздухом, пока здесь рассказывают всякое такое... невероятное. Но стоило мужчине заговорить про голос, как меня словно вытряхнуло из одной реальности в другую. Особенно когда он продолжил:

— Несколько столетий назад род алых сиринов прервался. Точнее, мы так считали, но некоторое время назад ваш огонь снова вспыхнул — увы, в немагическом мире. Когда я прибыл на место, выяснил, что твоя сестра пробудилась — точнее, полностью пробудилась ее сила, а значит, и ее голос. К сожалению, вынести такое на Земле нереально, поэтому и произошло то, что произошло.

Я приподняла брови. То есть меня сейчас хотят убедить в том, что моя сестра впала в кому из-за какой-то магии?!

Не из-за какой-то магии, Надя. Из-за магии алых сиринов.

Кажется, сейчас я отчетливо поняла, как себя чувствуют люди с раздвоением личности, потому что одна часть меня тянула мое сознание за руку (ну или за что там можно тянуть сознание) в привычную реальность, а другая — как-то глубоко, отчетливо, ясно тянулась к тому, о чем говорил этот странный похититель, надо отдать ему должное, действительно привлекательный. Тряхнув головой, — не хватало еще на иномирных братьев императоров западать, — я поинтересовалась: